

Серия «С Доном Ёско» № 26

Эрнесто Форти

Нечто доброе из Назарета

Симан Сруджи - брат-селезианец

СЦДБ

Перевод по изданию:

Ernesto Forti, *Da Nazareth qualcosa di buono*. Simone Srugi.

© Gerusalemme, 1990

© СЦДБ, Гатчина, 2008 г.

Перевод с итальянского: Марина Н.

Редактор: Антон М.

Издательство СЦДБ

188304 Ленинградская обл., г. Гатчина, ул. Чкалова, д. 7

Тел. (81371) 20-710 email: donbosco@bk.ru

www.donbosco.ru

В тот день, когда Иисус призвал Петра, Андрея и Филиппа последовать за Ним, Филипп встретил Нафанаила и сказал ему: «Мы нашли обетованного Мессию, это Иисус из Назарета». Нафанаил отвечал ему: «из Назарета может ли быть что доброе?». На скептический вопрос Нафанаила и сегодня можно ответить положительно: нечто доброе пришло из Назарета совсем недавно, и имя ему Симан Сруджи. Мессия родился в Вифлееме, Симан же, или Семеон, Сруджи родился именно там, в Назарете.

История поколений, как в Библии

Симан, сын Азара, сын Таннуса, сын Фаддула, сына Жиржеза, сын Йусуфа. Так можно дойти до 1550 года и основателя семьи по прозвищу Фараон, жителя Аврана, древней Авранитиды, ныне в южной Сирии. Семья Сруджи происходит именно из этой области.

Путь миграции семьи на протяжении веков пролегает не без многих приключений и злоключений по Ливану (где одна из ветвей Фараонов обретает имя Сруджи), а затем постепенно доходит до Палестины и Назарета. Здесь 15 апреля 1877 года у Азара эс-Сруджи и жены его Далле Ибраим эль-Хавали рождается маленький сын Симан (Семеон), последний из десяти.

Родившийся в Назарете становится земляком Иисуса. Но ещё большее счастье выпало на долю Семеона: 10 мая 1877 г. посредством таинств крещения и миропомазания, совершенных над ним в греко-католическом приходе в Назарете, он стал сыном Божиим, братом и свидетелем Христа.

Отец Семеона, Азар Сруджи, оставив ремесло шорника (Сруджи как раз и означает «шорник»), стал торговцем. Шестеро из десяти его детей умерли в младенчестве, и момент своей собственной смерти он встретил с христианской кротостью. Это произошло 1 сентября 1880 года, а вскоре за ним последовала и его супруга Далле. Семеон остался сиротой.

Его приютила у себя бабушка, и он рос, худой, как тростинка, с грустными глазами. Шумные игры на улочках родного городка и радостное веселье приятелей не могли прогнать эту грусть.

Этот хрупкий и робкий мальчик очень нуждался в любви. Провидение Божие послало ему отца с большим и добрым сердцем: Абу-л-йатама.

1. С Отцом сирот • в Доме хлеба

В Палестине было много сирот: достаточно было пройти по узким улочкам какой-нибудь деревеньки, чтобы увидеть одетых в лохмотья детишек, оставленных без присмотра. Дон Антонио Беллони, священник итальянского происхождения, принадлежавший Латинской Патриархии Иерусалима, взял их под свою отеческую опеку. Он на деле стал отцом сирот, по-арабски: Абу-л-йатама, как все его звали.

Своим подопечным он отдавал все свои силы с безграничной верой в Божественное Провидение, доставлявшее ему, порой чудесным образом, необходимую помощь.

Все больше и больше сирот, как птицы, нашедшие приятный оазис на пути через пустыню, слетались отовсюду в дома, открытые для них в Палестине доном Беллони.

Это было во времена дона Боско, и дон Беллони, чей взор постоянно обращался к апостолу Турина, стремился подражать его делам и его педагогической системе, основанной на отцовском отношении к детям. Отцовские чувства были настолько сильны в нем, что он основал в епархии Конгрегацию «Братьев Святого Семейства», члены которой окружали любовью лишенных её до тех пор детей.

Дом хлеба

Вифлеем переводится «Дом хлеба». Семеон Сруджи попал сюда к дону Беллони 8 декабря 1888 года, когда ему было почти двенадцать лет. Один священник из Ордена Святого Семейства проезжал через Назарет, и тётка Семеона по отцу доверила ему своего племянника. Она не могла допустить, чтобы её сокровище, которое при себе держать больше не было возможности, оказалось в протестантском приюте, как и его сестра Захра.

В Вифлееме, у дона Беллони, Семеон чувствовал себя, как король. Так много нового и чудесного можно было встретить в этом большом доме с суровыми сводами и стрельчатыми арками! Но лучше всего был сам дон Беллони, казавшийся самым воплощением отцовства. Находиться в обществе дона Беллони означало возрас-

тать в мудрости и благе. У него учились ремеслу и усваивали знания, доступные тогда лишь немногим.

Выпускники дона Беллони были хорошими христианами и достойными гражданами, готовыми встретить жизнь лицом к лицу, но им не хотелось все же покидать этот дом, где запах хлеба и семейная атмосфера сливались для них воедино.

И для Семеона годы бежали, и он не хотел покидать своего добродетеля. Дон Беллони, со своей стороны, также ожидал многого от этого юноши, превосходившего остальных своей добротой. Мальчику было 16 лет, материал был хороший. А почему бы не сделать из него, по примеру дона Боско и Доминика Савио, «прекрасные одежды в подарок Господу»?

Не сейчас, но позже

Тем временем у дона Беллони зародилось желание объединить свою Семью с той, которая послужила ей образцом. Ему необходимо было обеспечить своему делу долговечность, привив хрупкий росток, пробившийся среди бесплодных скал Палестины, к прочной лозе салезианской духовности.

«Не сейчас, но позже», так в 1887 году отвечал дон Боско Отцу палестинских сирот, пророчески глядя в будущее. В 1890-м году обещание было исполнено. Из Италии прибыли, как свежая кровь, первые салезианцы хорошей закалки: Сальваторе Пудду, Марио Росин, Джакомо Меццаказа, люди, которые впоследствии заставили говорить о себе. Таким образом, Семеон Сруджи, который именно в этом году решил остаться с доном Беллони, своим духовным отцом, навсегда стал сыном дона Боско.

2. С доном Боско в Доме Гамалиила

Великие дела должны совершаться неспешно и основательно. Так и призвание Семеона Сруджи, расцветшее на Вифлеемской земле, должно было вызреть, чтобы принести плод. Семеон был направлен в Бейт-Джемаль, где находился приют для сирот и школа сельского хозяйства, основанные доном Беллони. Это место лежит среди библейского пейзажа, в том районе, где последние холмы

Иудеи плавно переходят в прославленную в истории долину Шефела.

Бейт-Джемаль или, как говорили в древности, Кафаргамала, означает, по предположениям, «Дом Гамалиила». Согласно преданию, это место принадлежало законнику Гамалиилу, учителю св. апостола Павла, и сюда Гамалиил перенёс для достойного погребения тело св. Стефана.

Из-за людской небрежности могила мученика была забыта. Её заново открыл священник Лукиан, бывший настоятелем кафаргамальского прихода в 5-ом веке. Предание гласит, что Гамалиил, несколько раз явившись священнику во сне, дал подробные указания, как обнаружить могилу.

Проведенные в 415 году раскопки, принесли миру счастливую весть: мощи святого Первомученика заново обретенны, а произошедшие чудеса доказали их подлинность.

Ко временам дона Беллони, однако, слава Бейт-Джемаля уже ушла в прошлое. В VII веке разрушительное нашествие персов под предводительством Хосрова и мусульманское завоевание смели здания Кафаргамалы и память о былом её величии. Дон Беллони сумел зажечь на холме Бейт-Джемаля лишь маяк христианского света, распространявший на всю мусульманскую округу христианское милосердие.

Подобно средневековому монастырю

Приют Бейт-Джемаля располагался на высоте, на холме, подобно средневековому монастырю бенедиктинцев. Хозяйство его было полностью автономно: здесь были свои пекарня, масличный пресс, винные погреба, амбары для зерна...

Внизу, на равнине, расстиались поля, которые ещё нужно было очистить от малярии; рядом с внушительной постройкой, увенчанной зубчатой башней, теснились домики мусульман-земледельцев. Под сенью монастыря они получали всё необходимое и все преимущества более цивилизованной жизни.

Бейт-Джемаль стал центром притяжения: жители более 50 окрестных селений сходились сюда. Здесь зерно превращалось в белую муку, из маслин выжималось ароматное масло, а в сердцах росла таинственная закваска любви, объединявшая людей в одну семью.

Кроткий, но отнюдь не робкий

Кто бы мог подумать 25 августа 1894 года, что хрупкий паренёк, только что прибывший из Вифлеема для завершения своей подготовки к салезианской жизни, станет на почти 50 лет душой этой семьи? Семеон выглядел худым, среднего роста, у него были чёрные живые глаза, глубокий и проникновенный взгляд, слабый и негромкий голос. Семеон был мягким и кротким, но отнюдь не робким. Он был вежлив, шутил и улыбался. Кепка с козырьком на голове, куртка с застегнутым воротником. «Глядя на него, невозможно было его не полюбить».

Скоро его прозвали «Доминик Савио из Бейт-Джемаля», и для этого были основания. Через страдание к нему пришла зрелость, проявлявшаяся в его поступках и заставлявшая говорить: «Этот парень не такой, как другие, он всё делает, как следует».

Он понял, что жизнь трудна

27 июля 1895 года его приняли в новициат. Для Семеона это означало идти вперёд и всё больше отдавать себя служению Богу и ближнему. Из любви он чинил одежду своих товарищей (в Вифлееме он обучился ремеслу портного), из любви он вручную качал воду для прачечной. «Каждый поворот насоса должен быть актом любви к Богу», - с простотой объяснял он своим товарищам.

Эта любовь, сопровождаемая апостольским усердием, была верным признаком духовной зрелости. Семеон быстро понял, что сущность христианской жизни состоит в том, чтобы из любви к Богу приносить свою жизнь в дар другим людям.

Ему, следовательно, не оставалось ничего другого, как полным ходом идти по этой жизни. В этом был секрет, доставлявший ему силы для исполнения тяжёлой работы: молча, сгорбленным, носить целый день канистры с оливковым маслом или эссенцией тимьяна. Он думал, что, соединяя свой крест с крестом Господним в молчании и усталости, он сможет принести больше плода.

«Я полностью продал самого себя Богу»

Статус брата-салезианца (коадьютора) был одним из оригинальных изобретений дона Боско. Брат-салезианец - это монах в миру,

носящий светскую одежду. Он является полноправным членом Ордена, но не рукоположен в священники и не занимает там руководящих постов.

Он полным образом осуществляет свое «царственное священство» (1-ое послание св. апостола Петра, глава 2, стих 9), принося Богу свою жизнь в повседневную жертву на благо других людей, чтобы во всем и во всех царствовал Господь Христос.

Он может быть механиком, электриком, инженером, преподавателем, поваром, земледельцем, разнорабочим; но это лишь одна сторона его монашеской и общественной жизни. Прежде всего, он - миссионер.

31 октября 1896 года Семеон Сруджи приносит обеты и становится братом-салезианцем. «Я отдал себя, я посвятил себя, я полностью продал самого себя Богу. Поэтому я не принадлежу ни себе, ни миру». Вступая в монашескую жизнь, Семеон показал на деле, что полностью осознаёт сделанный шаг, заключающийся в дарении себя братьям из любви к Богу посредством обетов бедности, послушания и целомудрия.

Жизнь Семеона, неунывающего и решительного, стала с этого момента непрерывным даром. Именно поэтому он чувствовал себя свободным и полным радости даже во время самых изнурительных работ. А конкретные ситуации, требовавшие от него обилия доброй воли, представлялись ему одна за другой.

Вот он встаёт раньше всех, звонит в колокол, созывая на молитву, затем прислуживает на мессе, руководит молитвенной медитацией, присматривает за детьми в церкви и на игровой площадке и, к тому же, не пропускает возможности навестить больных в лазарете.

Потом он даёт в школе уроки христианским и мусульманским детям, что требует от него много терпения и доброты. Затем приходит время работы в лавке, содержащей предметы первой необходимости для крестьян. К тому же надо присматривать за мельницей, пекарней... Нужно столько рук в напряжённые моменты! Сруджи всегда готов был помочь, сильный не столько здоровьем, сколько неборимой любовью к ближнему.

Каждая минута была на счету. И Семеон не терял ни одной. О нём вспоминают: «Каждый день он делал свою работу наилучшим образом, с большим трудолюбием и добротой». В самом деле, рабо-

тать с натянутой миной и заставлять окружающих прочувствовать цену своих услуг не есть самый правильный образ служения Господу в братьях.

У него было материнское сердце

Принеся вечные обеты 20 сентября 1900 года, Семеон был снова утверждён на этой стезе самоотдачи и приобрёл благодатный дар всё более сильной и нежной любви к ближнему.

Однажды в середине дня босой и некормленный мальчонка-мусульманин глубоко уснул за партой прямо на уроке арабского языка. Он не проснулся даже от звонка. Семеон приказал детям выйти из класса на цыпочках... А когда малыш проснулся, то очень удивился, узрев Сруджи, терпеливо ожидавшего его с кульком еды на обед.

За аскетичной и суровой внешностью Семеона скрывалось материнское сердце.

3. «Обращайте внимание на его поступки: Сруджи - святой»

Когда два святых человека встречаются, они хорошо понимают друг друга. Так произошло и при встрече почтенного Семеона Сруджи с блаженным Михаилом (Микеле) Руа, заменившим дона Боско во главе Салезианского Ордена, при его посещении салезианских монастырей Палестины.

Их первая встреча в 1895 году была чисто внешней; но, встретившись вторично тринадцать лет спустя, они глубоко проникли друг другу в душу. Молодой салезианец открыл ему своё стремление к миссионерской жизни, и дон Руа пророчески почувствовал, что Семеон близок к святости: «Следите за этим братом», - сказал он другим салезианцам, «обращайте внимание на его дела день за днём. Это бесценный брат, он настоящий святой».

В его святости никто не сомневался, особенно ребяташки, которых добрый брат имел обыкновение готовить к первому Причастию. Он способен был научить их ощущать присутствие Иисуса, с которым они уже не хотели расставаться в дальнейшей жизни.

Под стражей

В 1912 году в Бейт-Джемаль прибыл новый настоятель, дон Эудженио Бианки, который своим отцовским характером во многом походил на самого дона Боско. Он был большим даром для приюта Бейт-Джемаль, в особенности в тот момент, когда перед лицом надвигавшейся Первой Мировой войны, братья нуждались в укреплении своей веры в Божественное Провидение.

Вступление Италии в войну с Османской империей повлекло за собой высылку итальянских граждан из Палестины: священникам и монахиням Салезианского Ордена было приказано отплыть в Египет. Сруджи и другие братья палестинского происхождения смогли остаться на месте, слишком малочисленные для того, чтобы справляться со всей работой, и не защищённые от возможных притеснений со стороны турецкого правительства.

23 августа 1915 года оставшиеся в Бейт-Джемале арабы-салезианцы получили распоряжение отправиться, пешком и без промедления, в город Рамле, бывший районным центром, для содержания под стражей. Воспитанники, монахи и рабочие монастыря пустились в путь, образовав караван под палящими лучами солнца. Сруджи был в их числе. Один из интернированных, будучи вне себя от злости, ругал на все лады турок; Семеон же, привыкший всё видеть в свете Веры, приблизился к нему и сказал: «Друг, святой Павел тоже был заключён в тюрьму, его били, с ним плохо обращались, и он пострадал за Господа. И мы должны перестрадать и вынести всё с терпением, из любви к Господу нашему Иисусу Христу, умершему на кресте».

Когда им позволено было вернуться, салезианцы обнаружили монастырь разграбленным. Им пришлось тяжело потрудиться, чтобы восстановить всё с нуля.

Но и на этом испытания не закончились. Радость от возвращения дона Бианки и итальянской братии, которым в последний момент запретили посадку на корабль, растворилась в обилии горестей. Худшей из них была насильственная отправка турками салезианских воспитанников в мусульманский приют в Иерусалиме.

При вступлении англичан в Палестину, все вздохнули с облегчением: наконец-то пришли свобода и безопасность.

Образ Господень

Внутри салезианской общины появились разделения: национальные особенности и взаимное недопонимание приводили к разногласиям между местными братьями и итальянцами, и всё это грозило вылиться в глубокую рознь. Недовольные хотели привлечь на свою сторону и кроткого Семеона: его моральный авторитет мог стать для них поддержкой. Этот хрупкий человек, казавшийся неспособным противостоять даже порыву ветра, не пошел, однако, на сговор, а напротив, преподал всем великолепный урок, поощряя единство братии вокруг настоятеля.

Семеон Сруджи умел заглянуть за обычные человеческие горизонты: для него настоятель был самым живым и любимым образом Господа, оскорбить которого означало непочтительно отнестись к Самому Богу. Семеон почитал настоятеля с сыновней нежностью. «Проходя мимо двери настоятеля, он снимал шапку, - рассказывают очевидцы, - потому что видел в нём представителя Самого Господа».

Семеон говорил: «Надо относиться к настоятелю с большим уважением, потому что он наделён властью от Бога».

«Сейчас, батюшка», - так отвечал он на любую просьбу настоятеля; и его глубокое уважение выражалось на деле. Выполнение им любой просьбы было таким быстрым и точным, что нужно было быть внимательным в разговоре с ним: он понимал всё буквально и исполнял с большим усердием.

Человек, с которым стоило встретиться

После Первой Мировой войны для Семеона начинается более светлый период, период духовной зрелости: всегда держась в тени, он становится одной из ведущих фигур монастыря.

Ему была поручена полная ответственность за мельницу, оснащённую незадолго до этого более эффективной техникой. Работать на мельнице означало находиться в самом сердце Бейт-Джемалья. Для жизни ежедневно нужен хлеб; а для того, чтобы делать хлеб, нужен мельник. Сруджи, молотивший зерно для крестьян из более пятидесяти окрестных деревень, был нужным человеком.

Более того, он был человеком, с которым стоило встретиться. Как говорил один очевидец, «на мельнице он был для всех отцом».

Семеон понял, что в жизни с Богом важна не столько работа, сколько любовь, с которой ты её выполняешь. Монах может стать миссионером, делая любую работу. Кроме того, быть миссионером в мусульманской Палестине означало одновременно быть искренним, но и действовать с благоразумной осторожностью. Эти два качества могут показаться поверхностному человеку несоместимыми, но не являются таковыми в глазах человека, ведомого Святым Духом.

Семеон был подлинным глашатаем Евангелия. С уважением относясь к религиозным чувствам бедных мусульман, он, в то же время, позволял им ощутить всё очарование Иисуса Христа, проявляя к ним нежную христианскую любовь.

Работа на мельнице

Непросто описать всю работу Семеона на мельнице. Каждый день сюда поднимался караван из мулов и верблюдов, нагруженных мешками зерна. На мельнице крестьяне заключали сделки, обменивались новостями, но и впадали в сильные распри, из-за которых каждый день можно было бы вызывать полицию. Однако для контроля над всеми этими хождениями взад и вперёд и всей этой бесконечной неразберихой, достаточно оказывалось невысокого человека с проницательными глазами, мягкого, но решительного.

Он всех выслушивал, всем улыбался. Можно сказать, что он был просто неспособен потерять терпение. Кто-то кричал, что он сосед, украдкой, под шумок, протягивая вперёд руку с мешком; кто-то хотел удовлетворения за полученные обиды; кто-то намеревался, проталкиваясь, силой пролезть первым; кто-то хотел по-своему отрегулировать процесс помола. Порой доходило до драки, и Семеону нужна была смелость, чтобы разнимать противников с обнажёнными ножами... Следя за работой, мотором, машинами, Сруджи был одновременно и сторожем, блюстителем порядка, судьёй.

Крестьяне доверяли ему: его слово возвращало справедливость и мир. Порой он ругал, даже сильно, но на него не обижались, потому что чувствовали, что это - укор отца. Никто не сомневался, что он насыпал в мешок то количество муки, которое следовало каждому.

Крестьяне говорили: «Сруджи Тамам», что означает, «он совершенный человек», говорили также: «После Аллаха - Сруджи».

«Они тоже - дети Божии»

Сруджи воспринимал эту работу как служение братьям. Его образ жизни и действий стал, таким образом, наилучшим истолкованием и самой красноречивой проповедью Евангелия. Семеон прилагал героические усилия для самоконтроля. Работая год за годом в подобных условиях, он ни разу не вышел из себя, что само по себе казалось чудом его помощникам.

Кротость эта была плодом нелёгкой борьбы с самим собой, о чём свидетельствуют постоянно повторявшиеся им слова: «Надо стремиться не брать на душу мелкие грехи, в особенности не выходить из себя и не сохранять в сердце гнев». «Выстрадать всё молча, и всё перенести».

Терпеливость эта коренилась в любви. О нём рассказывают: «Семеон исполнял свои обязанности из любви, а не по принуждению; это было сразу заметно: когда его звали, он немедленно прибегал». «Он почитал почти что обязанностью для себя помочь ближнему, потому что любовь заставляла его видеть Бога в своих братьях».

«Он долго служил нам», сказал о нём с грубоватой простотой один из крестьян. Он уловил суть.

Об этих грубых крестьянах-мусульманах Сруджи всегда отзывался хорошо и с большим уважением. «Он обращался с нами, рабочими, с большой добротой», свидетельствует Махмуд Абед, мусульманин, живший при монастыре. Если кто-то из салезианцев не особенно почтительно говорил при нём с крестьянами, Семеон тихо укорял его, напоминая: «Они тоже - дети Божии!».

Его уважение завоёвывало души мусульман, чем и объясняются их тёплые высказывания о Семеоне: «Он как ангел; он как Бог!».

Они называли его «муаллем», то есть учитель. И действительно «муаллем Сруджи» был человеком, к которому стоило обратиться: люди получали от него по-настоящему хорошие советы, данные из любви к Богу. Дух Евангелия, сиявший в них, проникал и в слушавших. Дошло до того, что имена Иисуса и Богоматери были на устах даже у мусульман.

Ни один священник не осмелился бы искать подобного результата в настолько враждебной и далёкой от христианства среде. Здесь преуспел вдохновляемый Премудростью Божией смиренный брат-салезианец.

Упредительная метода - это любовь

Салезианец без работы с молодёжью - как рыба, вытасченная из воды, и Семеон Сруджи, ставший салезианцем, чтобы помогать сиротам, не был исключением.

Можно было бы подумать, что работа на мельнице мешала Семеону жить полноценной салезианской жизнью. Несмотря ни на что, он ощущал себя салезианцем и душой, и телом.

Он работал с подростковыми группами, лечил больных детей, готовил мальчиков для алтарной службы по праздникам. Всё это и являлось для него полным участием в салезианской жизни. Сруджи использовал любую возможность для того, чтобы не перестать быть стопроцентным салезианцем.

Последователей дона Боско характеризует особое обращение с молодёжью. Обычно их метод называется упредительной системой воспитания, но трудно свести его к какой-либо схеме. Упредительная система есть любовь, а любовь есть Тайна, поскольку проистекает из Тайны божественной любви и стремиться ей подражать.

Практиковать упредительную систему воспитания означает действовать из любви, зачастую сверхъестественной, без насилия над ребёнком, чтобы особенности его неповторимой индивидуальности запечатлелись в нём естественным образом. Это означает *быть постоянно вместе* с ребёнком, не сковывая своим присутствием воспитанника, искренне желающего видеть рядом с собой учителя, потому что тот является для него искренним другом, с которым всё чудесно *делать вместе*: учиться, отдыхать, работать, молиться. Так действовал упредительный метод Семеона Сруджи, который научился ему у Святого Духа при постоянном возрастании в любви.

Заменять ребёнку родителей

По словам одного очевидца, Семеон Сруджи «обращался с детьми, как с ангелами». Его ласковое отношение с детьми было резуль-

татом постоянного усилия над собой, но на вид казалось вполне естественным и спонтанным.

Благодаря его ласке и любви, дети были очень к нему привязаны. Внешне он не казался одарённым особенными способностями, но его ясные глаза говорили о преисполненной миром душе. Подлинными святыми весьма человечны и способны к большой нежности, потому что чувствительны к различным оттенкам любви. Семеон Сруджи, шедший по пути святости, понимал крайнюю потребность детей-сирот в любви.

Некоторые из них носили в сердцах несмыслимую, мучительную картину убийства их родителей. Так, например, в приюте было несколько детей-армян, убежавших из Турции, у которых непонимание их тяжёлого душевного состояния воспитателями вызывало возбуждённость и внезапные вспышки бунтарства. «Они малыши, они сироты, - говорил Сруджи, - мы должны заменить им родителей. Мы должны помогать им, поправлять их, когда они ошибаются, но не раздражать их, иначе у них появятся тоска по семье и желание сбежать. Мы должны воспитывать их без физических наказаний и не повышать на них голос...».

Сам он был крайне приятным с воспитанниками. Мухаммед Абу Лабан, бывший его учеником, вспоминает: «Он очинял наши карандаши. Я не встречал никого, кто лучше него очинял бы карандаши. Обучая нас чистописанию, он водил нашей рукой с такой мягкостью, что с ним не смог бы сравниться даже родной отец».

Тень присутствия Божия

В нём видели тень присутствия Божиего. Дети относились к нему «с уважением, которое следует оказывать Вездесущему». Никто перед ним не позволял себе грубо выразиться или сделать какую-нибудь типичную для подростков выходку. В этом смысле он был настоящим салезианцем, целью которого являлось лишь напоминать детям о присутствии всевидящего Отца, которого нельзя обидеть. Благодаря такому воспитанию, если он иногда отлучался по делам, то мог быть уверенным, что дети не воспользуются его отсутствием.

Центром его мудрой педагогики была церковь. Там Семеон Сруджи учил детей осознавать себя в присутствии Божиим, и сам показывал им пример. Молясь, он учил детей молиться.

Он обучал детей молитвам, учил их прислуживать на Мессе, читал духовные чтения, показывал правильную интонацию и ритм совместной молитвы. Один из этих ребят вспоминает через много лет: «Когда господин Сруджи шёл по двору в церковь, погружённый в себя, дети сами бросали игры и следовали за ним, как цыплята за наседкой. . . ».

Бог был и на игровой площадке

Занятый многочисленными делами, Семеон Сруджи не всегда мог играть с детьми во дворе, но по возможности с удовольствием присоединялся к оживлённой игре и умел поддержать у ребят интерес к ней.

Даже во время игры салезианец не теряет роли воспитателя. Поэтому Семеон наблюдал за учениками с редкой проницательностью, уча их владеть собой и по-христиански прощать обиды. «Будь со всеми смиренным, а не злым», - говорил он одному бойкому мальчонке мусульманину, по имени Диб эль Аиси. «Если кто-нибудь тебя ударит, прости ему и люби, как брата». Эта была, как мы видим, настоящая проповедь Евангелия. А почему бы не говорить о Боге и на игровой площадке? «В Нём мы живём, движемся и существуем»: не следует терять этого из виду, даже за безмятежной игрой.

Для проповеди, впрочем, можно найти много подходящих случаев. Сруджи в этом был настоящим мастером. Зачастую его можно было встретить в окружении детей, за рассказом об Иисусе, Марии или о доне Боско. Никто тому не удивлялся: для Семеона это было настолько естественным, что все удивились бы, если бы он так не поступал.

Часто, видя его идущим через двор в одиночестве, ребята бросали игру и обступали его со всех сторон. Тогда он медленно направлялся в сторону часовни, и там вся группа сосредотачивалась на молитве. Между двором и церковью было постоянное движение. Как можно было оставить Иисуса в одиночестве?

Даже во время прогулок Сруджи говорил о Боге, о Богородице, о Рае, перемежая приятные разговоры с подвижными играми, духовными песнями и чтением Розария.

Он не навязывал детям духовных упражнений, как свидетельствуют все его бывшие ученики. Просто с Семеоном Сруджи они всегда молились, и им это нравилось, потому что он был человеком настолько живой и искренней веры, что излучал на них свет Божий, позволяя им ощутить сладость Божественного присутствия.

4. «Он лечил, и Аллах направлял его руку»

Милосердие, наполнявшее Сердце Христово, изливалось при Его земной жизни на больных и страждущих Палестины. При встрече с ними, Он посылал облегчение их телесным и душевным страданиям. Но и сегодня в мире существует страдание, и христиане должны облечься чувствами Христовыми, чтобы от Его имени прибегать на помощь страждущим. Семеон Сруджи, осознававший это, с самого начала своей монашеской жизни настроил своё сердце в унисон с безграничным состраданием Сердца Христова.

Сколько страданий было у бедного люда, приходившего на мельницу и обитавшего в домишках вокруг салезианского монастыря! Как тут можно было оставаться бесчувственным?

Вид этих несчастных, ожидавших в очереди на солнце, с гноящимися язвами, больных малярией и походивших на живые призраки, побуждал прийти им на помощь. Муаллем Сруджи, бывший медбратом в монастыре, стал Добрым Самарянином и для всей округи. Место елса и вина из евангельской притчи заняли современные средства: мази, пилюли, уколы; но от тех древних снадобий остался тот же запах: аромат милосердия.

Сруджи называли учёным

В установленные дни в Бейт-Джемаль пешком, на верблюдах и на семенящих осликах прибывали больные, как в Евангелии. С годами число их вырастало до ста - ста двадцати человек в день. Это были

Почтенный Семеон Сруджи с группой больных

*Ученики и преподаватели Сельскохозяйственной школы
Бейт-Джемаля в 1941 г.
Почтенный Семеон Сруджи сидит предпоследним справа.*

мужчины, женщины и дети в разнообразных одеяниях с искажёнными от страдания лицами, но с лучом живой надежды в глазах. Больные называли Сруджи уже не «муа́ллем» (учитель), а «хаким» (учёный, мудрец).

Всё началось с того, что исполненный милосердия Семеон время от времени перевязывал пострадавших в несчастных случаях бедняков, и постепенно молва о нём стала легендарной.

Все свои познания в области медицины Сруджи черпал из житейского опыта, но у него был набитый глаз и он редко ошибался. Он лечил самыми простыми средствами, предлагая их от всего сердца. Тот, кто мог, платил ему небольшую сумму (необходимо было учить крестьян чувству справедливости и благодарности). Те же, у кого не было денег, вознаграждали его любимым его приветствием «Да здравствует Иисус!», впечатляюще звучащим в устах мусульман.

Возвращаясь к себе, прежде чем войти в дом, он вытряхивал свою одежду, чтобы очистить её от того, чем бедняки обладали в изобилии и дарили ему не задумываясь: блох и других, им подобных, насекомых.

«В его руках - совершенство Аллаха»

Он был поистине «тамам», то есть праведный и совершенный человек. По словам мусульман, он был даже «наби», пророк. Зачастую они даже не просили у него лекарств: достаточно было его прикосновения, его молитвы, и люди уходили довольными. Когда он, улыбаясь, с пунктуальной точностью открывал дверь лечебницы (сооружённой из-за большого количества пациентов), все видевшие его попадали под его сверхъестественное обаяние.

Больные приходили издалека, зачастую потратив на врачей и лекарства все свои скудные сбережения. «Откуда вы?», - спросил один салезианец у группы незнакомцев, с уставшим видом ожидавших, пока откроют двери лечебницы. - «Из Газы». Газа находится, ни много, ни мало, в восьмидесяти километрах от Бейт-Джемаля. - «Из Газы? А что у вас там нет врачей и лекарств?» - «Есть, но мы предпочли прийти сюда, потому что мы много слышаны об этом человеке от тех, кого он вылечил. Он святой че-

ловек, мы верим, что он исцелит нас. В его руках - совершенство Аллаха».

Патриарх пустыни

Вспоминают и о следующем событии, случившемся в один жаркий и душный день (очевидицей его была сестра Терсилла Ферреро, монахиня-салезианка, долгие годы помогавшая Сруджи в лечебнице).

Около 10 утра, после семичасового путешествия по пыльным, залитым солнцем дорогам, в лечебницу прибывают старик-бедуин лет примерно семидесяти и мальчик. В помещении полно народа. Бедуин с длинной развевающейся бородой, говоря спокойно и торжественно, как патриарх пустыни, обращается к «муаллему» Сруджи: «Мы услышали о Твоём имени, и мы пришли».

Семеон весь внимание. Его взгляд, обычно самоуглублённый, не отрывается от больного ребёнка, которого обнимает старик.

«Это мой сын!» - восклицает необычный посетитель, выражая тем самым на восточный манер свою любовь к тяжело больному внуку или даже правнуку. «Мы были у всех врачей в Хайфе, Яффе и Иерусалиме... но мой сын не исцелился. Теперь это твой сын, исцели его!» - умоляет исполненный доверия бедуин.

«Я никого не целю», - отвечает добрый медбрат, - «Иисус исцелит его. Ты молился Иисусу?». И не дожидаясь ответа, потому что собеседник его - мусульманин, осматривает мальчика, делает ему укол, прописывает ему лекарства и, наконец, снова обращается к старику: «Смотри!», - говорит он ему, - «выше врача - Иисус-Целитель. И ещё... есть Ситти Мариам (Госпожа Мария)», - он указывает на статую Богоматери, - «Ты им молился?».

«Но я их не знаю!» - отвечает бедуин. Он берёт на руки мальчика и подходит к столу сестры Терсиллы.

«Йа Ситти! (О Госпожа!)», - умоляет он её, - «возложи руки на моего сына, чтобы он исцелился».

Добрая монахиня растеряна, но Сруджи подбадривает её: «Спокойно, сестра, делай то, что он просит, прочитай «Радуйся Мария», и ребёнок поправится».

Они вместе читают «Радуйся Мария», и старик уходит. Поправился ли на самом деле мальчик? При такой глубокой вере всё возможно.

«В этом тельце — бессмертная душа»

Самые тяжёлые больные, прибывавшие к нему, обвивали его руками за шею, обнимали и целовали его с безграничным доверием, как отца. Он не противился, осознавая их потребность в любви: он причинил бы им боль, не приняв их ласок от всего сердца.

«Он был полон милосердия и нежности ко всем, особенно к детям», - говорят свидетели. Леча невинных младенцев, он был порой растроган до слёз и восклицал: «Такой маленький, а уже болен!» или: «В этом тельце бессмертная душа, которой предназначено видеть Бога в Раю. Как добр Господь!»

Зачастую к нему приходили обессиленные бедняки, которые нуждались скорее в пище, чем в лекарствах. Семеон читал это во взгляде и щедро угощал их. Его любовь придавала особый вкус даже простому хлебу, который от него получали бедные, «больные от голода».

Для детей он приберегал сладкое и фрукты: он охотно жертвовал своей порцией десерта, чтобы осчастливить их и их мам. Они уходили из лечебницы, благословляя Человека Божьего самыми витиеватыми мусульманскими благословениями.

Как Иов на пепле

Были и тяжёлые моменты. Один не очень честный врач, недовольный благотворительностью Бейт-Джемалы и искавший случая навредить лечебнице, воспользовался смертью одной женщины от гангрены. Сруджи отправил её домой как неизлечимо больную, и после её смерти тот врач развернул жестокую клеветническую кампанию против лечебницы и самого медбрата.

Все испугались за Семеона, а сам он оставался спокоен и безмятежен: Господь поможет. И Он действительно помог: недостойная кампания скоро прекратилась благодаря прямому вмешательству Высшего Британского Комиссара в Палестине, который знал Человека Божьего и оказывал ему протекцию.

Тем временем Сруджи невозмутимо продолжал своё служение. Один бедный парень из Йемена был тяжело болен. Пока у него были силы работать, он тянул лямку, но болезнь взяла верх, и он остался, брошенный всеми, как Иов на пепле. Всеми, кроме одного Доброго Самарянина. Сруджи поспешил отыскать его, перенёс его в дом, оказал ему самую необходимую медицинскую помощь, пристроил его жить с работниками монастыря и ухаживал за ним, пока тот окончательно не поправился. Этот акт милосердия Семеон увенчал тем, что упросил отца-эконома нанять йеменца пасти скот монастыря.

Сруджи был способен жертвовать собой, чтобы помочь людям. Зачастую настоятель заставлял его поздно ночью в лечебнице за приготовлением лекарств. На мягкие упрёки тот смиренно отвечал: «Ах, батюшка! Завтра придёт столько-то людей из такой-то деревни, нужно будет помочь им и отправить их домой в течение дня, а то им придётся остаться здесь на ночь!».

Больные, впрочем, часто оставались ночевать, если состояние их здоровья или поздний час не позволяли им вернуться домой. Тогда Семеон снабжал их всем необходимым, постелью и пищей, а главное, он окружал их такой любовью, какой эти бедняки не видели, возможно, в течение всей своей жизни. Но и ночью его не оставляли в покое: часто к нему приносили умирающих, желавших, чтобы он был рядом с ними в момент смерти.

Безнадёжные случаи

Сестра Терсилла рассказывает о том, как Сруджи помогал людям в безнадёжных случаях. Однажды к нему привели настолько серьёзно больного, что Сруджи приказал его родственникам срочно отвезти его в больницу. Те отказались. Уступая их упрямству, Семеон прописал больному лекарство, которое всё равно помочь не могло, а также: «Молиться Ситти Мариам». Прошло два дня, как вдруг Сруджи видит перед собой того больного полностью исцелившимся! Семеон принял его, по своему обыкновению, словами: «Я лишь только дал тебе лекарство, а исцелил тебя Иисус».

В других случаях, когда болезнь не удавалось преодолеть, Сруджи умел, сострадая больным, помочь им принять смерть более радостно и с верой в Бога.

5. «Малый путь», приведший его к святости

«Малый путь» ведёт к святости. По нему идут незаметно, но совершают большой прогресс в духовной жизни. Эта дорога святых настолько проста, что сливается с дорогой их повседневной жизни, и, вместе с тем, требует от них удивительной самоотдачи и героизма.

Идя по «малому пути», надо целиком предавать себя в руки Отца и жить настоящим моментом, не стремясь совершать великие дела. Надо с радостью использовать любую, даже самую малую возможность для самопожертвования, наполненного любовью.

Семеон Сруджи осознавал это и основывал свою духовную жизнь на этих твёрдых принципах: «Дела монаха, - написал он в своей тетрадке, - пусть самые малые и простые, ценны и приятны Богу, когда делаются с целью порадовать Его». В этом был секрет всей его жизни.

В его тетрадке есть и такая запись: «Любить Бога значит не доставлять Ему даже самого малого неудовольствия ни мыслями, ни словами, ни делами, но от всего сердца возлюбить Бога, от всего сердца возлюбившего меня». И ещё: «Быть свободным от всякой мысли, от всякого желания, от всякой новости мира сего, чтобы полностью принадлежать Богу во времени и в вечности».

Опустошив себя таким образом, он был наполнен Богом. Это было видно по его просветлённому и умиротворённому выражению лица и привлекало к нему людей. «Он всё делал таким простым образом, угощая детей конфетой или говоря доброе слово, что всё казалось в нём естественным и лёгким».

Как получилось, что он не попал в Турин

Как любой салезианец, Сруджи мечтал посетить места, связанные с жизнью дона Боско, и помолиться в храме Девы Марии Помощницы Христиан. Настоятель несколько раз предоставлял ему такую возможность. В 1929 году он наконец-то собрался поехать. Дата была уникальной: церемония причисления дона Боско к лику святых. Но, вспомнив, что в доме живёт более старший брат, он счёл,

что тот более достоин присутствия на церемонии, и вежливо отказался в его пользу от путешествия.

В другой раз всё было подготовлено для путешествия, даже паспорт, но добрый брат милосердия не захотел оставить без помощи своего настоятеля, заболевшего именно в этот момент.

Таким образом Сруджи так никогда и не попал в Турин. Он утешал себя, говоря: «Я встречу с Богородицей в Раю», и спокойно, как всегда, продолжал свой труд доброго самарянина.

Очарование цветочков

Его простое и по-францискански умиротворенное восприятие жизни проявлялось в некоторых эпизодах, имевших очарование «Цветочков святого Франциска».

Время от времени, кто-нибудь напоминал ему, подшучивая, вопрос Нафанаила: «Из Назарета может ли быть что доброе?». И он отвечал серьезно: «Правда, из Назарета пришло ничто, то есть я».

1933-1934 годы были засушливыми в Палестине, земля не приносила плода. Без воды в цистерне и муки в квашне жизнь не могла продолжаться. Настоятель, придя в лечебницу, жаловался доброму брату, и просил его молиться божественному Провидению. «Вы слышали, сестра, как огорчён наш настоятель?», - сказал Сруджи сестре Терсилле. Попробуем предложить в дар Господу все наши сегодняшние дела, чтобы привлечь на нас Его милосердие и подмогу».

Метеорологи, конечно, дали бы сегодня другое объяснение этому явлению, но фактом остаётся то, что «на следующий день разверзлись хляби небесные, поля насладились влагой, цистерны быстро переполнились. Роса дополнила работу дождей, и вопреки всем ожиданиям, наступивший год стал действительно годом Провидения».

Он справедливо видел повсюду руку Божию. «Жеребёнок только что родился, а уже стоит на ножках!», - радостно сказал он как-то раз, входя в лечебницу, - «как добр Бог! ».

Однажды муравьи в лечебнице взяли штурмом сахарницу и корбку со слабительными конфетами. Сестра Терсилла была явно раздосадована этим неприятным сюрпризом. Семеон же, напротив,

Самой большой радостью для Почтенного Семеона Сруджи было готовить детей к первому причастию. Фото 5 апреля 1942 года.

6 декабря 1983 года Латинский Патриарх Иерусалима Джакомо Белтринти торжественно завершает Апостольский процесс (исследование жизни Семеона Сруджи в целях причисления его к лику святых).

воскликнул: «О! создания Божии! Какие вы изящные!» и защитил крошечных насекомых от желавших принять меры по их уничтожению: «Не убивайте их! Они твари Божии. Дайте им лучше поесть. Насыпьте немного сахара вдоль стены». Затем, следуя своей непредсказуемой францисканской логике, он добавил: «Жалко, что иногда мы ненароком на них наступаем».

Этот поступок поразил одного мусульманина, хорошо охарактеризовавшего в последствии «муаллема» Сруджи: «Он был очень сострадательным человеком, очень милосердным: у него было сострадание к людям, животным и ко всем тварям».

«Бог живёт в моей душе»

Семеон Сруджи жил, горя, как лампада перед алтарём. Он жил в присутствии Божиим, непрерывно предавая себя и поклоняясь Ему, даже будучи поглощён работой. Он написал в своей тетрадке: «Бог живёт в моей душе, сияя светом и славой не меньше, чем на Небесах. Я всегда предстою перед Богом; я Его придворный».

Если во время общей молитвы в часовне ему приходилось совершать дополнительную работу на мельнице или в пекарне, Семеон духовно присоединялся к молитве братьев, будучи уверен, что «работа из любви к ближнему заменяет дела благочестия». «Я покидаю Господа ради Господа», - с улыбкой повторял он обычно, уходя с общей молитвы, чтобы быть с детьми, или на мельнице со ссорящимися крестьянами, или с больными в лечебнице.

«Иисус страдает в больных», - повторял он и пытался сделать для них всё, как будто бы стоя вместе с Марией и Иоанном у Креста Господня. По пятницам он *ощущал* Страсти Христовы: в этот день он был более молчалив, чем обычно. Христос всегда стоял у него перед глазами: Семеон шёл за Ним в Синедрион, на Крестный путь, на Крестные муки... Семеон видел Его в страждущих бедняках, молчаливо проходивших перед его глазами.

Когда же наступала суббота, день, посвящённый Деве Марии, Сруджи зажигался радостью. «Мария – наша Мама, это замечательно!», - восклицал он.

Погружённый в небесное он, казалось, уже не замечал, что он ещё на этой земле. Но скоро наступили дни, напомнившие ему об этом. Дни войны и крови. Дни прощения.

6. Дни войны, • крови и прощения

В Палестине, кажется, никогда не было мира. Когда в 1917 году долгое Османское владычество подошло к концу, другая печальная цепь событий развилась в период британского мандата. В 1917 году была опубликована Декларация Лорда Бальфура об учреждении в Палестине еврейского национального очага. Это, разумеется, не понравилось начавшим вкушать свободу арабам, в чьей среде вырос дух национализма.

Евреи, в поиске своей родины, прибывали сначала небольшими группами, но год за годом их число росло: одни приезжали с визами, другие пробирались нелегально. В 1936 году палестинцы начали против них восстание. Группы арабских националистов, время от времени нападали на англичан, а затем скрывались. Повсюду воцарились террор и законы военного времени, был введён комендантский час.

Повстанцы вынуждены были скрываться в горах и по временам появлялись в Бейт-Джемале. Они то просили пищи, то приносили раненых, которых Сруджи лечил.

Приветствие боевиков

В 1937 году в Бейт-Джемале был установлен телефон, что повлекло за собой трагические последствия: повстанцы заподозрили, что монастырь будет информировать полицию. Спустя некоторое время неподалёку был арестован и казнён один из глав восстания: вину свалили на салезианцев! В июне 1938 года шестеро боевиков ворвались в монастырь, собрали братию, схватили настоятеля дона Росина и приказали выдать им сто фунтов стерлингов - огромную сумму денег. Они обшарили всё, но нашли только немного мелочи и пару ценных предметов. Разочарованные, они избili до крови дона Росина.

В этот момент появляется Сруджи: он несёт праздничную одежду, чтобы отдать её повстанцам. Главарь смотрит ему в лицо, узнаёт: это же Тамам! Он застывает по стойке «смирно». «Ребята! - приказывает он своим, - это Муаллем Сруджи. Отдайте ему честь!».

Затем они ушли, забрав то, что могло им пригодиться, но никому больше ничего дурного не сделали.

«Мы должны всегда делать только добро»

Спустя несколько дней дон Росин (на которого пали абсурдные обвинения повстанцев) отправился служить Мессу в находящийся неподалёку женский монастырь Дир Рафат. Вечером конь вернулся без седока. На следующий день полиция обнаружила труп дона Росина, похороненный под грудой камней. Повстанцы поджидали его на обратном пути посреди кукурузного поля и побили его камнями. Тело дона Росина было извлечено из-под камней со скрещенными на груди руками, обрывки чёток оплетали его пальцы.

Это была пятница, день Страстей Христовых, и Сруджи до конца вкусил горечь этой утраты. Из осторожности следовало бы закрыть лечебницу, по крайней мере, на несколько дней, но Сруджи не хотел оставлять своих бедняков страдать из-за одних лишь человеческих соображений.

День спустя обычная толпа в лечебнице. Неожиданно приходят несколько молодых, грубых палестинцев. Сестра Терсилла подаёт знак Сруджи: «Может быть это они, убийцы...». «Оставьте, сестра», - отвечает тот. «Что значит оставить?! Они убили нашего настоятеля!» - недоумевают монахиня.

Парни вламываются в кабинет и опрокидывают Сруджи на землю. Сестра Терсилла поднимает его и укоряет арабов. «Сестра, - мягко останавливает её Сруджи, - Господь наш молился: «Отец, прости их, ибо не ведают, что творят»». Семеон оказывает этим грубиянам помощь, как и всем остальным.

Восемь дней спустя приходит ещё один повстанец. У него огнестрельное ранение, полученное в стычке с полицией. Он в страхе, его ищут. Сестра Терсилла прибегает, запыхавшись, и шепчет на ухо Сруджи: «Англичане идут! Они во дворе!». Сруджи продолжает врачевание, а сестра Терсилла: «Почему бы нам не воспользоваться случаем и не отдать его в руки правосудия?». «А почему мы должны делать плохое? - отвечает Сруджи, - мы должны делать только доброе. Если он совершил что-то дурное, отчитается перед Богом. Мы должны всегда делать только добро».

Он говорит повстанцу: «Пришли англичане. Выйди отсюда». Он указывает ему на заднюю дверь и добавляет: «Господь с тобой».

Сестра Терсилла ошеломлённо смотрит на него. «Это главарь, - добавляет шёпотом Сруджи, - его в живых, конечно же, не оставят, его ищут. Он отчитается перед Богом, но мы должны всегда делать только добро».

Близится переход в мир иной

Сестру Терсиллу назначили настоятельницей небольшого монастыря. Когда она навестила Сруджи в лечебнице, тот сказал ей: «Матушка, вы представительница Девы Марии... Вы представительница Бога».

10 июня 1940 года Италия вступает во Вторую Мировую войну, а днём позже салезианцев итальянского происхождения берут под стражу. Сруджи также интернирован, но через несколько дней, убедившись, что он не итальянец, власти отпускают его на свободу. Он возвращается в монастырь, где остаётся лишь небольшое число братьев, а у него ещё больше прибавляется работы. Силы, потраченные на других с такой щедростью, начинают покидать его...

7 «Его голова • была наполнена Раем»

Предвозвещение о близящемся восхождении на Голгофу было дано ему уже в 1939 году. Семеон заболел малярией и двусторонним воспалением лёгких и был близок к смерти. Его срочно пришлось отвезти во французскую больницу в Вифлееме, где он поразил всех своим полным смирением. Казалось, он черпал радость в страдании. По словам одного помогавшего ему араба, «его голова была всегда наполнена Раем», и теперь ему не оставалось уже ничего другого, как думать о небе. Благодаря этим размышлениям, даже сама «сестра смерть» казалась ему привлекательной.

Для Семеона смерть означала встречу с Иисусом. Эта мысль восхищала его почти на седьмое небо. Возвращаясь в себя, он спокойно говорил, как богослов: «Рай это Бог!».

Семеон вернулся из больницы в монастырь, и всё чаще обращал свой мысленный взор ко Кресту. «Распятие должно быть твоей

любимой книгой», - записал он в своей тетрадке. И ещё: «Науку любви не изучить по книгам: она даётся, не иначе, как душе, которая смотрит на Распятого и ведет с ним сердечный разговор».

Люди искали его

Семеона выписали из больницы, но силы не хотели возвращаться к нему. Болезнь проявлялась снова. 5 мая 1943 года он не смог подняться с кровати. Состояние его казалось весьма серьёзным, и Семеон снова был госпитализирован. По возвращении он оказался настолько ослабленным, что едва мог подниматься по лестнице.

Не смотря на это, он старался помочь в медицинском кабинете и лечебнице, куда неизменно прибывала толпа больных.

Люди продолжали искать его, несмотря на то, что в соседних селениях уже не было недостатка во врачах и лекарствах. «Муаллем» Сруджи лечил с верой и из любви к Богу, и в глазах бедняков это имело большую силу, нежели все лекарства мира вместе взятые.

К концу 1943 года слабость доброго брата достигла крайней степени. Его отправили на некоторое время в салезианскую обитель в Кремизане, неподалёку от Вифлеема, для восстановления сил. Он был так измождён, что присаживался, охватив голову руками, на середине лестницы, чтобы отдышаться.

Но хотя тело и не слушалось Семеона, дух его оставался живым и бодрым.

Иисус страдал от жажды

В первых числах октября, вернувшись в Бейт-Джемаль, он не уже смог покидать свою комнатку, свидетельницу его многочисленных бесед с Богом.

Астма и назойливый кашель превращали его жизнь в бесконечную пытку. «Ужасно, когда не можешь вздохнуть!» - вырвалось у него однажды после жестокого приступа. Но сразу, почти раскаиваясь, он добавил: «Нет! Нет! Господу это угодно, всё в порядке».

В один из последних дней он послал за настоятелем и попросил у него, чтобы ему принесли льда. Тот пообещал послать кого-нибудь после обеда. Братья ещё не успели выйти из трапезной когда, раскаявшись, Семеон снова позвал настоятеля: «Не посылайте за

льдом», сказал он с усилием. И добавил, глядя на Распятие: «Иисус на Кресте страдал от жажды. Я хочу быть, как Он».

26 ноября Семеон уже практически потерял способность говорить. Наступила ночь. Медбрат долго бодрствовал рядом с больным, затем, видя, что тот успокоился, пошёл к себе. Вернувшись в два часа ночи, он нашёл Семеона, скрестившим руки на груди и погружившимся в безмятежный сон. Навсегда.

«Жаль, что он был христианином»

Первыми, кто прибежал попрощаться с «муаллемом» Сруджи, были земледельцы-мусульмане. Грязные, полные насекомых, драчливые, они стояли со слезами на глазах.

Мусульмане вспоминали о нём, употребляя восточные гиперболы: «Он был морем любви. Он страдал, когда видел, что мы страдаем, был доволен, когда видел, что мы довольны. Он был человеком, верным своей религии, но уважал других. Он лечил, а Аллах направлял его руку. Даже если бы здесь был врач, более сведущий, чем он, тот никто никогда не лечил бы нас так, как Сруджи. Он был, как мёд. В его руке было совершенство Аллаха. Аллах водил его рукой. Его голова была наполнена раем. После Аллаха был Сруджи». Мусульмане по очереди несли гроб Сруджи на кладбище.

Во время похорон произносились речи официальные и витиеватые. Они забыты. Помнят краткую неофициальную речь одного мусульманина, который, возвращаясь домой, качал головой и говорил: «Жаль, что «муаллем» Сруджи был христианином. Будь он мусульманином, мы бы почитали бы его как святого».

Такую честь оказала Семеону и Церковь: в 1993 году Папа Римский Иоанн Павел II провозгласил Семеона Сруджи «Почтенным» (первый этап на пути причисления к лику святых).

Молитва о причислении к лику святых Семеона Сруджи

О, Иисус, воплощённое Слово, во время Твоей земной жизни в Галилее и Иудее открывавший людям вечную любовь Отца, творивший всем добро, прославь в лике святых Твоего скромного соотечественника Семеона Сруджи, светлый пример Твоей доброты и заботы о бедных и страждущих.

Веря в Твоё милосердие, от всего сердца прошу Тебя исполнить по его заступничеству следующую мою молитву. . .

СОДЕРЖАНИЕ

Нечто доброе из Назарета.....	3
С Отцом сирот в Доме хлеба.....	4
С доном Боско в Доме Гамалиила.....	5
«Обращайте внимание на его поступки: Сруджи - святой»	9
«Он лечил, и Аллах направлял его руку».....	17
«Малый путь», приведший его к святости.....	23
Дни войны, крови и прощения.....	27
Его голова была наполнена Раем.....	29